

ПОГРЕБЕНИЕ Н. А. НЕКРАСОВА

Был ясный, морозный день.

На Литейном, у дома Краевского, где помещалась редакция "Отечественных записок" и жил Н. А. Некрасов, уже с 8 часов утра стали собираться толпы народа - интеллигенции и "простолюдинов". В то утро первым был принесен на гроб усопшего поэта венок "От русских женщин".

В начале десятого часа литераторы и учащаяся молодежь вынесли гроб из квартиры и решили нести его на руках до кладбища Новодевичьего монастыря. И шествие медленно двинулось по Литейной по направлению к Невскому проспекту. Впереди несли лавровые венки с надписями: "От русских женщин", "Певцу народных страданий", "Бессмертному певцу народа", "Некрасову - студенты", "Слава печальнику горя народного" и др.¹

За гробом шли родственники покойного, литераторы, ученые, художники - вообще люди всех свободных профессий. Почти все литераторы, большие и малые, друзья и недруги, воздали дань почтения певцу горя народного. Здесь были представители всех литературных лагерей. Вокруг гроба Некрасова, можно сказать, собрались представители всей русской интеллигенции.

Многих из людей, известных русскому обществу, шедших в то утро за гробом Некрасова, уже давно нет в живых. Не стало Салтыкова, Достоевского, Елисеева, Дм. Гирса, Шеллера, Плещеева, Панаева, С. Максимова, Оммулевского, Григоровича, Микешина, Данилевского и пр.

Тысячи народа шли за гробом. Вокруг гроба и вокруг несших венки молодежь составила цепь, и шествие могло беспрепятственно двигаться вперед. Но шли очень медленно. Похоронная процессия лишь в 11 часов прибыла к Технологическому институту.

Наконец около часу дня процессия достигла ворот Новодевичьего монастыря и здесь была встречена громадной толпой. Народу было тысяч пять или шесть. Проникнуть в церковь могла, разумеется, лишь самая незначительная часть собравшейся публики. В церкви профессор Петербургского университета, священник Горчаков, произнес надгробное слово и, между прочим, высказал ту мысль, что лучшим свидетельством заслуг Некрасова перед родиной служит собравшаяся вокруг его гроба молодежь...

На кладбище положительно происходила давка: лепились на памятниках, на решетках, на деревьях, - кладбищенская ограда была усеяна народом. Едва ли когда-нибудь кладбище Новодевичьего монастыря видело в своих стенах такую громадную толпу народа...

После того как гроб опустили в могилу и в последний раз в тот день пропели "Вечную память", на кладбище водворилась мертвая тишина.

Заговорил Панаев...² В течение почти 40 лет он был близок с Некрасовым. По-видимому, он был сильно взволнован, говорил с паузами. Я плохо, урывками, слышал его речь.

Я забрался на каменный приступочек решетки, окружавшей чей-то памятник, и стоял, держась одной рукой за решетку, а другой придерживая на плечах плед. Мороз крепчал, пощипывал уши, щеки и сильно давал мне себя чувствовать через довольно легкое пальто. Вздрагивая от холода под своим пледом, я невольно вспомнил некрасовское стихотворение "Баюшки-баю", в котором мать, убаюкивая, одобряя и утешая умирающего поэта, говорит: "Я схороню тебя весной"... Нет! Не весной, но в лютую зимнюю стужу нам пришлось хоронить его. Не теплый ветерок веял в воздухе, - ледяным холодом дышало на нас ясное голубое небо; не цветы вокруг нас расцветали, а деревья, покрытые инеем, как призрачные виденья, поднимались вокруг...

Вспомнив "Баюшки-баю", я подумал о том, как, должно быть, горячо поэт любил свою мать, если так часто, так хорошо, так трогательно, с таким искренним, глубоким чувством вспоминал о ней в своих произведениях, если даже больной, настрадавшийся, измученный злым недугом, томимый смертельной тоской, уже "перед ночью непробудной", поэт, вдохновленный воспоминанием о матери, оставил нам такое чудное стихотворение, полное грусти, нежности и силы - пророческое стихотворение...

Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой...³

Разве же это не пророчество и разве это пророчество не исполняется?

Уже и теперь, если бы поэт мог слышать из мрака могилы, он услышал бы свои песни кое-где "над Волгой, над Окой, над Камой"... А еще через немного лет, его песни проникнут и в самые трущобные, глухие уголки обширной Руси...

В этот морозный декабрьский день, в то время, когда я вздрагивал от пронизывающего холода, в моем воспоминании ожило утро одного теплого майского дня. То было в 1874 году. Тогда я собирался ехать на родину и пришел на Николаевский вокзал навести какие-то справки о поездах. Выйдя на дебаркадер, я там встретил Некрасова и Салтыкова, медленно ходивших взад и вперед.

Теперь вся эта сцена с мельчайшими подробностями живо, ярко встала передо мной... Только что поданный поезд, еще запертые вагоны, почти пустынный дебаркадер, а там вдали, куда убежали рельсы, - волшебный свет и блеск ясного весеннего дня... Некрасов в сером летнем пальто, в серой фетровой шляпе, несколько вялый и медлительный в движениях, но в ту пору еще здоровый и бодрый... Салтыков с *pinse-nez* в темной черепаховой оправе, нахмуривший свои густые брови, по-видимому, словно чем-то недовольный, строгий и суровый, как Юпитер-громовержец, а в действительности - человек очень добрый, великодушный, гуманный...

После Панаева заговорил Ф. М. Достоевский. Говорил он прекрасно, выразительно, и слова его далеко были слышны отчетливо. Теперь, через 25 лет, конечно, я не могу припомнить его речь с буквальной точностью, но общий смысл ее был тот, что Некрасов *любил человека*, что людские несчастья нашли живой отголосок в его произведениях, что Некрасов в поэзии поднял ту нить, что, умирая, выпустил из рук другой наш великий поэт, Лермонтов, что если бы Лермонтов пожил далее, то он, вероятно, сделался бы тем же, чем был для нас Некрасов...⁴ Помню, что Достоевский, протянув руку и указывая на могилу Некрасова, дрогнувшим голосом проговорил:

Замолкли звуки дивных песен,
Не раздаваться им опять,
Приют певца угрюм и тесен
И на устах его печать!⁵

При этих словах об "угрюмом и тесном приюте" певца и при виде гроба, засыпаемого землей, мне (да, вероятно, и многим) подумалось в ту минуту о том, что, действительно, такой приют тесен для того, *кто* так любил простор родных полей, лугов, лесов тенистых, кто так тонко, так чутко чувствовал, понимал и умел передавать словами задумчивую, мечтательную прелесть нашей северной природы...

После Достоевского говорил я. Своей речи я также теперь не могу воспроизвести в подробностях⁶. Я говорил о том, что Некрасов был поэт-гражданин, поэт в лучшем, благороднейшем значении слова, что в его произведениях главным - всего слышнее звучавшим мотивом было живое сочувствие к человеческим страданиям, сожаление к тому, - чему

Как будто появляться вредно
При полном водвореньи дня
Всему, что зелено и бледно,
Несчастно, голодно и бедно,
Что ходит голову склоня!⁷

В заключение я напомнил о том, как Некрасов в одном из своих стихотворений говорит: "За каплю крови, общую с народом, прости меня, о родина! прости!"⁸ "И она простила!" - сказал я.

Я вовсе не намеревался говорить, но заговорил по вдохновению, просто в силу потребности высказаться, говорил экспромтом, но речь моя, по-видимому, произвела впечатление.

Говорились еще речи⁹, читались стихи, и особенно глубокое впечатление произвело стихотворение - неизвестного мне автора:¹⁰

Замолкла муза мести и печали,
Угас могучий наш поэт, -
Его словам с восторгом мы внимали,
Его мы чтили с юных лет.
Могильный сон, глубокий, непробудный,
Навек сковал уста певца,
Иссяк родник живительный и чудный
В груди холодной мертвеца.
Родник любви той чистой, неизменной,
Что по лицу земли родной,
Как громкий зов, торжественный, священный,
Катилась светлую волной.
И мощный стих, карающий, печальный,
Будил заснувшие сердца,
Громил порок,-- народ многострадальный
Облек сиянием венца.
И злобою, огнем негодованья,
Кипучей мезтью он звучал,
Сатирой жгучей, словом отрицанья
Добру и правде поучал.
В земле сырой, в могиле одинокой,
Спи мирно, славный наш поэт!
С тоской и скорбью, с горестью глубокой
Тебе последний шлем привет.
Рыдая, мы дрожащими руками
На гроб бросаем твой цветы, -
Весь в зелени, меж пышными венками,
Лежишь в гробу недвижим ты.
И знаю я, та зелень вся завянет
И твой истлеет бранный прах.
В сердца друзей забвение заглянет,
Как червь, ползущий на цветах...
Но будешь жить ты в памяти народной,
Навеки сохранишься в ней,
Поэт могучий, гений благородный
И слава родины твоей!

Публика долго оставалась у могилы Некрасова и стала расходиться поздно, когда зимние сумерки уже набрасывали на кладбище полупрозрачные тени и в темно-синем небе вспыхивали звезды...

Примечания

Павел Владимирович Засодимский (1843--1912) - писатель народнического направления. Его наиболее значительное произведение "Хроника села Смурина" было опубликовано в "Отечественных записках" (1874, NoNo 8--10--12). Он несколько раз встречался с Некрасовым. "Мне в Некрасове, - говорил Засодимский корреспонденту газеты "Новости", - нравилась та предупредительность и обходительность, с которыми он относился к постоянным и случайным сотрудникам журнала. Очень часто приходится слышать по отношению к Некрасову обвинение в двойственности. Я решительно протестую против такой напраслины. Не будучи искренним, он бы не мог столь трогательно и столь правдиво изображать в своих произведениях народное горе" ("Новости", 1902, No 358, от 23 декабря).

Свои первые впечатления о похоронах Некрасова Засодимский изложил в большом письме к А. И. Эртелю от 31 декабря 1877 года. В нем он писал: "Трудно передать, дорогой мой Александр Иванович, ту массу, тот наплыв чувств, дум и впечатлений, которые волновали меня в те минуты. Нервы были страшно возбуждены (к тому же ночь я почти не спал: был в редакции на собрании, лег в шестом часу, к восьми встал - и ничего не евши и не пивши отправился на похороны).

Я думал, что "Баюшки-баю" можно отнести и ко многим, и ко мне в том числе. И нас тоже народ узнает еще не скоро, узнает тогда, когда станет читать сам наши книги..." (РЛ, 1967, No 3, стр. 161),

Очерк о похоронах Некрасова был написан и опубликован Засодимским к 25-й годовщине смерти поэта. В нем частично использован отчет о похоронах, напечатанный в "С. - Петербургских ведомостях" (1877, No 360).

Печатается по тексту газеты "Северный край", 1902, No 340 от 27 декабря.

¹ Стр. 475. В письме к А. И. Эртелю от 31 декабря 1877 года Засодимский сообщал, что "впереди гроба несли венки с надписями: "Слава печальнику горя народного", "Певцу народных страданий", "От русских женщин", "От студентов", "От русского общества". "Венок с надписью "Борцу за свободу" был изъят и уничтожен" (РЛ, 1967, No 3, стр. 161). Каких-либо дополнительных сведений о венке "Борцу за свободу" не имеется.

Ученики городского училища несли венок "Любимому писателю от детей" (И. И. Попов, Минувшее и пережитое, 1933, стр. 35).

² Стр. 476. В. А. Панаев. Об этом см. стр. 40.

³ Стр. 477. Конец стихотворения "Баюшки-баю" (1877).

⁴ Стр. 477. Об этом см. стр. 484.

⁵ Стр. 478. Из стихотворения Лермонтова "Смерть поэта" (1837).

⁶ Стр. 478. Текст своей речи, записанный, видимо, после похорон, Засодимский сообщил в письме от 16 апреля 1878 г. А. И. Эртелю: "Мы чтим в покойном поэта и гражданина. Он нам понятен, дорог и в высшей степени симпатичен. Понятен он потому, что пел не "розы, нечто и туману даль", не радости жизни, но горе и муки. Далеко не каждый из нас испытал радости, изведаль счастье, даже в самом узком, мещанском смысле этого слова, но зато несчастье, горе нам всем близко знакомо... О, да! Очень близко знакомо!.. Вот почему Некрасов понятен, близок нам! Вот где сила его, та сила, которою она приковывает нас к себе! Дорог же и симпатичен он нам по тем мотивам, какие наигрывала его сумрачная муза, которую он сам недаром же называл "музой мести и печали". Он высказался резко, без утайки. Мы все знаем очень хорошо, кому я чему сочувствует поэт. Тут не может быть споров и недоумений. Он сочувствовал всему тому, "что зелено и бледно", тому, "что голодно и бедно, что ходит голову склони". Мы с гордостью можем сказать здесь, что подобная черта некрасовской музыки роднит его с лучшими мировыми поэтами, ибо как те, так и он выражали в своих произведениях сочувствие к тому великому, вековечному людскому горю, которое широкою волною прокатилось по всему лицу

земли. Как человек русский, он, конечно, с особенной рельефностью изображал горе нашей жизни народной. Так, например, в одной его поэме повторяется несколько раз: "Холодно, странничек, холодно!", "Голодно, родименькой, голодно!" Затем поэт от себя уже добавляет, что только тот эту песню допоеет, кто "Русь крещеную из конца в конец пройдет" {Стихи из поэмы "Коробейники" (1861). (Ред.)}. Теперь понятно, чем покойный Некрасов завоевал себе симпатии всех честных русских людей. Недостойно было бы нам - в виду свежей этой могилы - сомневаться в искренности задушевного стремления его "уйти от ликующих, праздно болтающих, умывающих руки в крови", уйти "в стан погибающих за великое дело любви". Жизнью своею запечатлел он правдивость и искренность этого стремления. Всю жизнь он отдал этому великому делу любви, подвизаясь на тернистом поприще литературном, постоянно лавируя между Сциллой и Харибдой. Да! Бывают такие времена, когда надо обладать значительной дозой гражданского мужества, чтобы "делать благое дело среди царящего зла" {Слова из стихотворения Н. А. Добролюбова "Памяти отца" (1857). (Ред.)}. И Некрасов делал это дело... Теперь понятно, почему в начале 60-х годов, в эпоху, сулившую нам так много хорошего, вокруг покойного Некрасова собрались лучшие литературные силы, наши лучшие деятели. Имена их я не упоминаю, они известны и памяты нам до сего дня. Из этих людей "иных уж нет, а те далече, как Садя некогда сказал: {Стихи из "Евгения Онегина" Пушкина. (Ред.)} (Аплодисменты). Вот почему на журнале, издаваемом покойным, воспитывались целые поколения. Вот почему с именем Некрасова связывается для нас представление о лучших, благороднейших стремлениях, проявившихся в нашем обществе за последние 25 лет. Много вынес покойный Некрасов... Тот гнет, который всех нас давил и который все мы ощущали более или менее осязательно, давил и его. Он вместе с нами радовался и страдал. В его песнях мы находим живой отголосок и выражение собственных чувств и дум. В числе общих горестей есть доля и его страданий. Да! Он имел право - он выстрадал себе право сказать: "За каплю крови, общую с народом, прости меня, о Родина! Прости!" Мир праху твоему, Некрасов!" (ГБЛ, ф. 349, картон 10, ед. хр. 22). Речь Засодимского была встречена многими сочувственно, но революционно настроенная молодежь восприняла ее без энтузиазма, так как ее автор, по мнению Плеханова, "никак не мог выбраться из заколдованного круга взаимодействия психологических мотивов" (см. стр. 490).

⁷ Стр. 478. Из поэмы "Несчастные" (1856).

⁸ Стр. 478. Неточно процитирован конец стихотворения "Умру я скоро. Жалкое наследство..." (1867).

⁹ Стр. 478. После Засодимского выступил Плеханов (см. стр. 490) и рабочий, чье имя неизвестно.

¹⁰ Стр. 478. Стихотворение поэтессы М. Ватсон. По свидетельству Засодимского, вслед за стихотворением М. Ватсон было прочитано стихотворение Некрасова "Баюшки-баю" (письмо А. И. Эртелю от 31 декабря 1877 года, РЛ, 1967, No 3, стр. 161).